

К 40-Й ГОДОВЩИНЕ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

Ярче звезд партизанские были

На днях в Волчихе состоялось собрание участников Великой Октябрьской революции и гражданской войны, проживающих в Волчихинском, Родинском, Романовском, Михайловском и Ключевском районах. С докладом о достижениях Советской власти на Алтае за 40 лет и задачах трудающихся Алтая в дальнейшем увеличении промышленного и сельскохозяйственного производства выступил секретарь краевого комитета КПСС т. А. В. Георгиев.

Воспоминания поделились активные участники партизанского движения на Алтае: М. Ф. Хоменко — командир роты народной армии Мамонтова, С. А. Покорский — начальник штаба Алексеевской волости, А. Л. Копань — комиссар отряда Мамонтова, А. А. Полухин — командир десятого полка армии Мамонтова, Д. А. Мамонтова — боевая подруга и жена прославленного командира партизан Ефима Мамонтова и другие товарищи.

У обелисков, поставленных на братских могилах партизан, в Волчихе, Вострове и Солоновке состоялись митинги трудящихся и возложение венков.

Партизанам в торжественной обстановке преподнесены ценные подарки.

Эта страница написана по воспоминаниям участников волчихинского собрания — ветеранов борьбы за Советскую власть...

РОЖДЕННЫЕ БУРЕЙ

Кровью лучших сынов человечества написаны золотые страницы истории. Без устали мчались времена, на смену одних событий приходили другие, но подвиги наших отцов, совершенные во имя Отчизны, продолжают сиять непрерывным блеском. Ибо над ними не властны ни времена, ни бури, ни расстояния.

Взволнованные, мы вглядываемся в исторические события, отданные от нас временем, и участники их кажутся нам необыкновенными людьми, склонными чудо-богатырями. И сердца наши поляются несокрушимой завистью к тем, кто, рискуя собой, первым выходил из неожиданных тропинок истории, чья жизнь отдана «самому прекрасному на земле — борьбе за освобождение человечества».

Партизаны гражданской войны... Они стали героями легенд, произведенных литературы и искусства, их имена звучат сегодня как синонимы беззаветной отваги и верного служения народу. А в жизни это были обычные труженики — пахари и скотоводы, рабочие и студенты, простые люди с простыми человеческими чувствами и желаниями. Рождались эти люди не в золотых боярских коронах, а в покосившихся бревенчатых избах, в глухих деревеньках с немудренными деревянными наименованиями: Вострове, Солоновка, Волчиха, Раклы...

И не богатырские мечи, а суковатые палки, да головы, из которых составляли их вооружение, когда они выходили на смертный бой за дело правое, народное. Но это были настоящие богатыри — по духу, по крови, по беспримерности своих держаний, и вела их вперед бесстрашная ленинская мечта о всеобщем счастье тех, кто тружается.

Почти сорок лет минуло с поры великих боев за Советскую власть на Алтае. В самое трудное для молодой Советской республики время — в незабываемом девятьсотом девятнадцатом — в колчаковском тылу на Алтае создавались целые партизанские районы с партийными организациями, народными Советами и закаленной в первых боях армией. На боевом счету алтайских партизан числились не только десятки наголову разгромленных каратель-

таe? Тогда послушай воспоминания старых бойцов, и пусть в твоем сознании скажет согнутая фигура человека, примиштовавшего на верхней полке в одном из вагонов пассажирского поезда. Он устал, чувствует, что им проделан долгий путь, может быть, в несколько тысяч километров.

— Эй, борода, далеко ли до Булунцы? — спрашивает он угрюмого проводника.

— Не-е! — лениво отвечает тот.

Весть о новом человеке, приехавшем из Петрограда, разносится по Ключам немедленно. Всем хочется узнать, что делается в столице, как чувствует себя Ленин, скоро ли закончится война. Приезжий — человек великий, но неразговорчивый, кроме того, он слишком утомился дороге и, вообще, приехал на Алтай не политики заниматься, а на заработки. Говорят, люди в Сибири побогаче живут, чем в иных местах, не брешут ли?

Интерес к «питерскому» остывает. Тем временем он открывает крохотную мастерскую по починке всякой всячины. В мастерскую часто заходят люди, завязываются разговоры о том, о сем, а главным образом — о жизни крестьянской: как-то она повернется? Мастеровой никому ничего не советует, он больше спрашивается, но его вопросы заставляют мужиков крепко задумываться: как жить дальше? Сидеть сложа руки или что-то предпринять? И они снова идут к человеку, который кинул в их души зерна не понятых до конца, но важных необходимых истин.

В поисках заработка мастеровой обходит села не только Ключевской волости, но и Михайловской и Кайнайской. Всюду завязываются попутные разговоры, случайные знакомства...

И никто не догадывался, что мастеровой Николай Яковлевич Отгетов, приехавший на Алтай «за длинными рублем» и проживающий сегодня в Ключах, выполнил опасное задание Центрального Комитета партии — создать в колчаковском тылу, в Ключевской, Михайловской и Кайнайской волостях, партизанские отряды. Организованы были отдельные группы в Мельниково, Волчихе, Рубцовске, Солоновке и других селах одними из первых вышли в первый бой с колчаковцами. Шестьдесят два преданных революции рабочих одного из Петроградских заводов помогали в те дни коммунистам Сибири складывать «плакетки» и «дескты» — ядра будущих партизанских подразделений.

А потом появился на Алтае шахтерский отряд коммуниста Петра Сухова — отряд буревестник, отряд-пропагандист. Он первым показал алтайскому крестьянству наглядный пример борьбы с контрреволюцией. Старики в селах на свой день вспоминают раскаленные речи Сухова, обращенные к хлеборобам. Он говорил с народом от имени ленинской партии, для которой нет ничего выше интересов народа. Отряд двинулся с боями села на село, оставляя за собой подпольные большевистские группы и подразделений.

У вас есть великолепный план спасения, — сказал офицер, руководивший налетом. — Отрекитесь от большевиков. Тогда вернетесь к свободе. Тогда вернетесь к горячей тоске по жизни.

— Чем была наша сила? В том, что нас поддерживал народ. А поддерживал он нас потому, что мы защищали его интересы. В Вострове, откуда началась армия Мамонтова, мы начали свою работу с общего собрания крестьян. Как вы хорошо знаете, был комиссаром партизанского отряда, и мне приходилось очень часто говорить с народом. В каждом селе, мы проводили с крестьянами беседы, разясняли им, что такое Советская власть и чьи интересы она отстаивает. И в каждом селе у нас были избранные бедняками и середняками сельские Советы. Эти наши Советы властно успели делать свое дело в колчаковском тылу, и мы, партизаны, съято оберегали ее.

Молчание.

— Последний раз повторяю: за молчание — смерть! Будете отвечать или нет?

Молчание.

И тогда коммунистов повели по дороге на Николаевку.

Процессия свирепа к бору и оставляла на опушке.

— В последний раз предлагаю спасение, — сказал офицер. — Одно слово — и вы спасены.

Молчание.

И тогда коммунисты повели по дороге на Николаевку.

Процессия свирепа к бору и оставляла на опушке.

— В последний раз предлагаю спасение, — сказал офицер. — Одно слово — и вы спасены.

Молчание.

И тогда коммунисты повели по дороге на Николаевку.

Процессия свирепа к бору и оставляла на опушке.

— В последний раз предлагаю спасение, — сказал офицер. — Одно слово — и вы спасены.

Молчание.

И тогда коммунисты повели по дороге на Николаевку.

Процессия свирепа к бору и оставляла на опушке.

— В последний раз предлагаю спасение, — сказал офицер. — Одно слово — и вы спасены.

Молчание.

И тогда коммунисты повели по дороге на Николаевку.

Процессия свирепа к бору и оставляла на опушке.

— В последний раз предлагаю спасение, — сказал офицер. — Одно слово — и вы спасены.

Молчание.

И тогда коммунисты повели по дороге на Николаевку.

Процессия свирепа к бору и оставляла на опушке.

— В последний раз предлагаю спасение, — сказал офицер. — Одно слово — и вы спасены.

Молчание.

И тогда коммунисты повели по дороге на Николаевку.

Процессия свирепа к бору и оставляла на опушке.

— В последний раз предлагаю спасение, — сказал офицер. — Одно слово — и вы спасены.

Молчание.

И тогда коммунисты повели по дороге на Николаевку.

Процессия свирепа к бору и оставляла на опушке.

— В последний раз предлагаю спасение, — сказал офицер. — Одно слово — и вы спасены.

Молчание.

И тогда коммунисты повели по дороге на Николаевку.

Процессия свирепа к бору и оставляла на опушке.

— В последний раз предлагаю спасение, — сказал офицер. — Одно слово — и вы спасены.

Молчание.

И тогда коммунисты повели по дороге на Николаевку.

Процессия свирепа к бору и оставляла на опушке.

— В последний раз предлагаю спасение, — сказал офицер. — Одно слово — и вы спасены.

Молчание.

И тогда коммунисты повели по дороге на Николаевку.

Процессия свирепа к бору и оставляла на опушке.

— В последний раз предлагаю спасение, — сказал офицер. — Одно слово — и вы спасены.

Молчание.

И тогда коммунисты повели по дороге на Николаевку.

Процессия свирепа к бору и оставляла на опушке.

— В последний раз предлагаю спасение, — сказал офицер. — Одно слово — и вы спасены.

Молчание.

И тогда коммунисты повели по дороге на Николаевку.

Процессия свирепа к бору и оставляла на опушке.

— В последний раз предлагаю спасение, — сказал офицер. — Одно слово — и вы спасены.

Молчание.

И тогда коммунисты повели по дороге на Николаевку.

Процессия свирепа к бору и оставляла на опушке.

— В последний раз предлагаю спасение, — сказал офицер. — Одно слово — и вы спасены.

Молчание.

И тогда коммунисты повели по дороге на Николаевку.

Процессия свирепа к бору и оставляла на опушке.

— В последний раз предлагаю спасение, — сказал офицер. — Одно слово — и вы спасены.

Молчание.

И тогда коммунисты повели по дороге на Николаевку.

Процессия свирепа к бору и оставляла на опушке.

— В последний раз предлагаю спасение, — сказал офицер. — Одно слово — и вы спасены.

Молчание.

И тогда коммунисты повели по дороге на Николаевку.

Процессия свирепа к бору и оставляла на опушке.

— В последний раз предлагаю спасение, — сказал офицер. — Одно слово — и вы спасены.

Молчание.

И тогда коммунисты повели по дороге на Николаевку.

Процессия свирепа к бору и оставляла на опушке.

— В последний раз предлагаю спасение, — сказал офицер. — Одно слово — и вы спасены.

Молчание.

И тогда коммунисты повели по дороге на Николаевку.

Процессия свирепа к бору и оставляла на опушке.

— В последний раз предлагаю спасение, — сказал офицер. — Одно слово — и вы спасены.

Молчание.

И тогда коммунисты повели по дороге на Николаевку.

Процессия свирепа к бору и оставляла на опушке.

— В последний раз предлагаю спасение, — сказал офицер. — Одно слово — и вы спасены.

Молчание.

И тогда коммунисты повели по дороге на Николаевку.

Процессия свирепа к бору и оставляла на опушке.

— В последний раз предлагаю спасение, — сказал офицер. — Одно слово — и вы спасены.

Молчание.